

Международные отношения*Правильная ссылка на статью:*

Коёвич С. Босния и Герцеговина – общее прошлое, разные судьбы // Международные отношения. 2025. № 1.
DOI: 10.7256/2454-0641.2025.1.73761 EDN: TTZPRZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73761

Босния и Герцеговина – общее прошлое, разные судьбы**Коёвич Сара**

аспирант; кафедра Теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов имени Патрика Лумумбы
ассистент; кафедра Иностранных языков; Российский университет дружбы народов имени Патрика Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10 к2

✉ sara.kojovic96@gmail.com

[Статья из рубрики "ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ"](#)

DOI:

10.7256/2454-0641.2025.1.73761

EDN:

TTZPRZ

Дата направления статьи в редакцию:

15-03-2025

Дата публикации:

22-03-2025

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию процесса провозглашения независимости Боснии и Герцеговины в результате распада Социалистической Федеративной Республики Югославии. Автор данной статьи концентрируется не столько на причинах распада Югославии, сколько конкретно на ситуации в Боснии и Герцеговине как одном из наиболее интересных примеров постюгославского государства. Автор придает значение первым многопартийным выборам в Боснии и Герцеговине в 1990 году, а также дальнейшей работе Ассамблеи Боснии и Герцеговины в 1991 году. Важной частью данной статьи является анализ отделения Ассамблеи сербского народа в Боснии и Герцеговине и ее независимой работы. Исследуются причины отделения сербского народа в отдельную независимую Ассамблею осенью 1991 г., а также провозглашение самой Республики Сербской в январе 1992 года. В основе методологии данной статьи лежат системный и междисциплинарный подход, которые способствовали решению поставленных задач. В работе используются исторический,

сравнительный и историко-генетический метод, также как и институциональный метод, который позволил изучить роль Национальных Собраний БиГ и РС и оценить их функционирование и эффективность. Новизна исследования заключается в особом подходе к изучению работы политических институтов БиГ, что во многом повлияло на всю политическую ситуацию в Боснии и Герцеговине того времени. Основными выводами данного исследования являются тезисы в том, что Босния и Герцеговина после распада Югославии, не имевшая доминирующей этнической группы, была обречена на внутренние конфликты из-за различных интересов и устремлений мусульманской (бошняцкой), сербской и хорватской общин. Анализируя конец 1991 г. и прежде всего, незаконную работу Скупщины БиГ и принятие ею решения о независимости БиГ вопреки воле сербских депутатов, можно сделать вывод, что это был первый незаконный шаг со стороны мусульманско-хорватской коалиции. Положения конституции были нарушены, но даже сегодня эти события подаются только как факты и не рассматриваются публично в качестве основной и первоначальной причины образования отдельной Скупщины сербского народа и Республики Сербской в целом и всех дальнейших событий на политической сцене БиГ.

Ключевые слова:

Югославия, Босния и Герцеговина, Республика Сербская, распад, независимость, стабильность, гражданская война, постюгославские государства, Дейтонские соглашения, Западные Балканы

После победы союзников во Второй мировой войне Югославия была образована как Федерация из шести Республик: Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Сербии, Черногории и Македонии. В каждой из Республик было собственное отделение Коммунистической партии Югославии и правящая элита, а также противоречия, которые разрешались на федеральном уровне. Югославская модель государственного устройства, а также «золотая середина» между плановой и либеральной экономикой были относительно успешными, и страна пережила период сильного экономического роста и относительной политической стабильности до 1980-х годов под твердым правлением пожизненного президента Иосипа Броза Тита. После его смерти в 1980 году ослабленная система федерального правительства не смогла справиться с растущими экономическими и политическими причинами. Распад Югославии возник в результате серии политических беспорядков и конфликтов в начале 1990-х годов. После смерти Иосипа Броза и распада Союза коммунистов Югославии в 1980-х годах наступил период политического кризиса и эскалации неурегулированных конфликтов, которые переросли в межэтнические вооруженные конфликты в 1991 году и привели к разрыву Социалистической Федеративной Республики Югославии в 1992 году. Военные конфликты были незначительными в Словении в середине 1991 года, а в Хорватии (1991–1995) и Боснии и Герцеговине (1992–1995) они переросли в гражданские войны с десятками тысяч погибших. В этой статье мы сосредоточимся на описании ситуации в Боснии и Герцеговине, которая больше всего пострадала от распада Югославии.

Первые крупнейшие национальные партии страны выиграли первые выборы в СР Боснии и Герцеговины в 1990 году. Парламентское большинство составляли депутаты от Партии демократического действия (серб. СДА), Сербской демократической партии (серб. СДС) и Хорватского демократического союза (серб. ХДЗ). Несмотря на периодические стычки, взаимные обвинения в методах агитации и опасения формирования политического союза

между бошняками и хорватами против сербов, национальные партии установили негласный союз. Хотя они отличались программно и политически, главной причиной, которая связывала их и создавала идиллию согласия и толерантности, был антисоциализм, т. е. общее стремление к ликвидации прежней социалистической власти в стране. Партии разделили власть по национальному признаку, так что мусульманин Алия Изетбегович был избран председателем Президиума Социалистической Республики Боснии и Герцеговины, серб Момчило Крайишник был избран председателем Ассамблеи, а хорват Юре Пеливан был избран премьер-министром. Соглашение о разделении власти действовало во время предвыборной гонки, при победе на выборах и при разделении функций, которое фактически завершило ее. В Боснии официальное правительство начало искать аутентичную форму боснийской специфики, которая не должна была стать ни сербской, ни хорватской. Мусульманские интеллектуалы находили корни для своего народа в общем исламском мире, отодвинув его от славянских корней. Мусульманам как нации отводится роль решать судьбу БиГ самостоятельно, без обязательства уважать позицию двух других народов, в особенности игнорируя позицию сербов. Мало кто спрашивал обо всем этом простых мусульман, которые даже не понимали, чем занимаются их представители во власти, отмечает в своих мемуарах Филипович М [1, С. 43].

Со временем сложилась некая «идея Великой Боснии», сторонниками которой по незнанию стали и некоторые сербы, называвшие себя «космополитами» и блестителями «братьства и единства» как важнейших достижений коммунистической «классовой» революции. Тот проект «независимости Боснии», которая называлась «Югославия по-маленькому» в устройении коммунистов, и за счет мусульманского народа, в какой-то момент стал понятен сербам, коммунистам [2, С. 46]. Когда большинство поняло предысторию и осознало эту политическую игру, многие отказались от участия в процессе создания идеи Великой Боснии, но тогда уже было слишком поздно. Процесс зашел уже настолько далеко, что его невозможно было остановить без последствий. В отличие от большинства сербов, которые вовремя осознали свою ошибку и с которыми режим позже разобрался в различных скандалах, небольшое число сербов продолжало идти по пути заблуждения.

Такая ситуация в БиГ была рассадником всех трех негативных национализмов. Мусульманского, потому что он видел шанс положить конец процессу, начатому коммунистами. Хорватского и сербского, потому что их народы подвергались дискриминации по разным признакам. Изменилась сущность, по которой можно было узнать трехнациональную страну БиГ. Настало время сведения счетов с противниками [2, С. 47]. Одна идеология, когда-то мощная и, по крайней мере, кажущаяся действенной, уступила место сильному национализму, эйфорическому, а порой замкнутому и совершенно незаинтересованному в поисках общей жизни в многонациональной и многоконфессиональной Югославии.

В то время две западные республики взяли на себя инициативу по распаду Югославии: Словения и Хорватия. Словения под лозунгом экономической защиты своего развития, а Хорватия под предлогом осуществления мечты Хорватии о создании собственной государственности, о которой мечтали сотни лет.

За всеми этими событиями под особым углом и сдержанно следил народ БиГ, прямо или косвенно поддерживая ту или иную сторону. Считалось, однако, что это просто еще одна театральная пьеса, которую много раз смотрели в прошлом и в которой, как правило, почти всегда играли люди из главных центров: Белграда, Загреба и Любляны. У

большинства политиков БиГ не было намерения и желания начинать войну в этом районе. Они были полны решимости разрешить нарастающий кризис в БиГ политическими средствами, но этого было недостаточно. Однако не все в БиГ, как и за ее пределами, хотели этого. Война была импортирована под предлогом помощи вымирающим соотечественникам, а на самом деле ее целью было создание всеобщего хаоса с большим количеством участников. Из-за традиционного предвкушения того, что скажут Белград и Загреб и что сделает Любляна, Босния и Герцеговина опоздала со всеми ходами. Пока националистические полчища, украшенные уже знакомыми ранее усташскими символами и символикой, эйфорически играли в военные игры в Хорватии, и пока словенцы вооружали свою территорию, все политические силы в Боснии и Герцеговине сидели в засаде, отмечает Крайишник [3, С. 52].

Существовало убеждение, что Югославия никогда не может быть разделена и уничтожена, пока существует Босния и Герцеговина, но также и то, что Босния и Герцеговина не сможет выжить, если Югославия развалится. Здесь следует иметь в виду, что каждый из трех народов рассматривал Боснию и Герцеговину со своей национальной точки зрения. Мусульмане, самый многочисленный народ, считали ее своим государством. Они считали Боснию своей, потому что у них, мусульман, в отличие от сербов и хорватов, нет запасной родины. Хотя бы из-за географии, т. к. Турция, в отличие от Сербии и Хорватии, не граничит с Боснией и Герцеговиной. Для сербов Босния — сербская страна, а Герцеговина — родина Святого Саввы. До войны сербам принадлежало 64% территории страны, и сербы были самыми многочисленными и всю историю, и всего тридцать лет назад. Миграции в Воеводину после Первой и Второй мировых войн, давление и политические процессы навсегда изгнали большое количество сербов из Боснии и Герцеговины [4, С. 59].

Хорваты ссылались не только на тесные отношения между ними и мусульманами со временем так называемого Независимого государства Хорватия (серб. НДХ), но и на соглашения естественных союзников в борьбе против мнимой гегемонии «Великой Сербии». Восьмисотлетнее присутствие францисканцев с хорватской трактовкой истории дало им право видеть Хорватию с границей по реке Дрине [5, С. 64]. Позиции всех трех наций были бескомпромиссными, но все же в своей исключительности лидировали мусульманские экстремисты. В то время как сербы и хорваты признали, что все три народа имеют равные права на Боснию и Герцеговину, бошняки, требуя сохранения целостности Боснии и Герцеговины, хотели сохранить ее только для себя. В состоянии переплетения интересов, наставнических предложений и просьб началась деятельность политической организации в Боснии и Герцеговине. Мнение, что национальная организация граждан в БиГ противоречит конституции БиГ, было адаптировано для контрпропаганды, согласно которой национальная организация является лишь еще одним вкладом в демократические преобразования в центральной югославской республике и что угроза национальных конфликтов отсутствует. Все договоренности мусульманских политиков с соответствующими политическими силами из Хорватии сербам в то время не были известны. В то время их союз в сербском мнении существовал только в предположениях. Все, что произошло и что принесли скучные разведданные, полностью раскрыли мемуары, изданные после войны. Лучше всего это описал профессор Мухамед Филипович в своих мемуарах [1]. Филипович М. вместе с Абдић Ф. и Изетбегович А. был основателем Партии Демократического Альянса, однако, вышел из партии в 1990 г., потому что не принял радикально-исламистский курс Изетбеговича.

Предположение, что сербы не будут организованы на национальном уровне, почти сбылось. Борьба сербов за организацию своей Сербской национальной партии одновременно с формированием национальных партий двух других наций сопровождалась непостоянством по вопросу концепции, названия и выбора руководства будущей партии. Задолго до этого был образован Хорватский демократический союз (срб. ХДЗ БиГ), который эйфорически выражал всю свирепость оскорбленного народа, указывая пальцем на сербов как на единственных виновников.

ХОС (Хорватские вооруженные силы), носившие черную форму с символикой усташей были единственным официальным воинским формированием в тех районах БиГ, где хорваты составляли большинство. Мусульманская партия ПДА мобилизовала почти 100% всех мусульман. До этого нелегальная деятельность организаций «Молодые мусульмане» и «Братья-мусульмане» стала достоянием гласности. Их политические лидеры, некоторые из которых были неоднократно наказаны за пропаганду ненависти к немусульманам, а также за разрушение братства и единства, основных завоеваний социализма, ставили себя во главе будущей единственной соответствующей партии мусульманского народа [\[6, С. 34\]](#).

Сербский народ с изумлением наблюдал за разгневанными членами ПДА, которые полностью подражали сторонникам ХДС, главной целью которых было создание собственного национального и унитарного государства. Однако они считали, что коммунизм встал на пути к достижению этой цели и видели сербов в качестве коммунистов. Политическая организация мусульман и хорватов послала Сербии тревожные сигналы о том, что ничего хорошего их в будущем не ждет, и за короткий промежуток времени это привело к созданию Сербской демократической партии в Боснии и Герцеговине под руководством Радована Караджича. Политическая цель СДП состояла в том, чтобы выступать за сохранение Югославии и сохранение равного положения сербского народа с двумя другими народами Боснии и Герцеговины в общем государстве. С момента своего образования пытались изобразить Сербскую демократическую партию как одну из самых опасных или самых националистических партий на политической арене Боснии и Герцеговины. Такой способ демонизации СДП изначально был ориентирован на пропаганду в СМИ, но позже стало известно, что за этой пропагандой скрывалось планирование преступлений. Кульминацией это достигло, когда демонизация переросла в вымышенный план создания «Великой Сербии». Для того, чтобы эти претензии к сербам были успешно предъявлены, замалчивался тот факт, что СДП как партия была сформирована последней [\[7, С. 28\]](#). Мусульманско-хорватская коалиция злоупотребила желание сербского народа жить в одном государстве и сохранить Югославию в качестве международно-признанного государства было и недопустимым образом обозначено как проект «Великой Сербии». Важно сказать, что в то время, как две другие нации тайно вооружались, формируя военизированные формирования (Зенге, Патриотическая лига, Вооруженные силы Хорватии, Зеленые береты...), сербы доверяли Югославской народной армии (ЮНА). Однако эта опора исчезла в одночасье, когда ЮНА отошла в Сербию и Черногорию вместо того, чтобы остаться в Боснии и Герцеговине.

Была создана атмосфера предвоенного периода подобного кануну Второй мировой войны, где напряжение чувствовалось на каждом шагу. Такая политическая лихорадка охватила всю Боснию и Герцеговину. Современники Второй мировой войны только покачали головами, они не могли разделить плохое предчувствие с молодыми, потому что молодые смотрели на жизнь совсем не так, как они. От первых многопартийных выборов они ждали всего. Они ждали свободы, падения коммунизма. Они ожидали

благополучия и не видели несчастий, которые всему этому сопутствовали. На первом этапе многопартийности люди, классифицированные по национальному признаку, не смотрели друг на друга как на врагов. Их главным врагом был коммунизм. Они считали, что объединение до сих пор бесправных сербов, хорватов и мусульман в борьбе против коммунизма было первоочередной задачей всех национальных партий в будущем. У СДП, ХДС и ПДД был единый подход к новой многопартийной эре. Под своими знамёнами с лозунгами национального примирения бывшие коммунисты сумели превратить партии в общенациональные движения: СДП - сербского, ХДС - хорватского и ПДД - мусульманского народа.

После первых многопартийных выборов в 1990 году начались межпартийные переговоры. Найден способ партнёрского разделения власти. Это была не коалиция. Речь шла о традиционной боснийской специфике вечной и единственно возможной трехглавой, трехнациональной и трехконфессиональной Боснии и Герцеговины. Эта специфика была универсальным боснийским ключом, «открывавшим» все двери. Принято считать, что Босния и Герцеговина — это дом, построенный на трех столпах. Без одного, любого столба он рухнет. Однако установлению разделения власти между тремя национальными партиями способствовала и нетерпимость к коммунистам, потерпевших полное поражение на этих выборах. В конце октября — начале ноября 1990 г. была создана Ассамблея Боснии и Герцеговины. ПДД получил должность председателя президента БиГ, СДП - должность председателя парламента, а ХДС - должность премьер-министра БиГ. Сербская сторона выступала за сохранение Югославии и за Боснию и Герцеговину в ее составе, в то время как мусульманско-хорватская коалиция боролась за распад Югославии, чтобы Босния и Герцеговина стала независимым государством.

В ноябре 1990 г. состоялась первая учредительная сессия Ассамблеи Боснии и Герцеговины. Парламент насчитывал 240 депутатов и делился на две части: Совет граждан и Муниципальный совет. Самыми многочисленными были депутаты от мусульманского народа, их было 100. Депутатов-хорватов было 50. Остальные были депутатами-сербы, хотя некоторые из них называли себя югославами [7, С. 44]. Парламентская комиссия, проанализировав национальный состав депутатов, пришла к выводу, что в парламенте более трети сербов, а это означало, что в будущем ни одно важное решение, имевшее конституционный характер, не могло быть принято без согласия сербских представителей. Началась борьба за господство. Нормы не применялись. Деловой этикет не соблюдался, все решения пытались принять прямым путем, вопреки конституционной процедуре. ХДС, собравшая на несколько процентов больше хорватов, чем ПДД и СДП, преследовала простую цель. Эта цель была ясна как сербам, так и международному сообществу, но вопрос в том, была ли она ясна мусульманскому руководству. Если им это было ясно, то у них была неправильная оценка того, что они смогут использовать хорватов для достижения своей цели, а именно отделения БиГ от Югославии. На первом этапе распада Югославии хорваты и мусульмане имели общие интересы и общего врага. После этого первого этапа, на котором Югославия будет разделена на шесть независимых государств, хорваты планировали присоединить свои этнические части БиГ к Хорватии. Перед ними была поставлена задача перенести войну из Хорватии в Боснию и присоединиться к «союзникам» Хорватии в борьбе против сербов. Такой план был открыто реализован Хорватским демократическим союзом в парламенте Боснии и Герцеговины с ненавистью и сильными эмоциями [6, С. 82].

Сербы, как и сама конституция, стояли на пути к достижению мусульманами своих целей.

Они вместе с хорватами решили нарушить положения конституции. Сербы должны были быть, как цитирует М. Филипович в своих мемуарах Алию Изетбеговича, «изгнаны за Дрину» [\[1, С. 101\]](#).

В 1991 году мусульманская политика была политикой ожидания и «созревания». Они рассчитывали на время и медленное определение соответствующих международных сил, чтобы поддержать отделение БиГ. Только страх, неуверенность и недостаточная военная готовность удержали представителей мусульман от более быстрых действий. Они использовали этот год для организации «Патриотической лиги», военизированного формирования, организованного бывшими офицерами ЮНА и «Зелёных берет», также мусульманского военного подразделения. Это были незаконные террористические организации, основной задачей которых было действовать в качестве военной силы и насильственно отделить БиГ от Югославии. Помимо военной организации и вооружения, против Югославии за границей велась настоящая медийно-лоббистская война. Демонизация сербов была главной задачей различных хорошо оплачиваемых агентств и общественных деятелей с большим международным влиянием.

Горячие парламентские дебаты были вызваны парламентской сессией, назначенной на 27 февраля 1991 года, когда была оглашена Декларация о государственном суверенитете и неделимости Республики Босния и Герцеговина [\[8\]](#). Эта предложенная Декларация, которая впоследствии не была принята, лишь «подлила масла в огонь» и впервые стала угрожать надежде на мирное урегулирование кризиса в Боснии и Герцеговине. Депутаты Собрания в первую очередь обвиняли прошлое, коммунизм, господство «Великой Сербии», преступления усташей, мусульманскую политику, преступления Второй мировой войны и так далее. У кого-то всегда были виноваты другие, и каждый трактовал историю по-своему. А именно, в рамках этой сессии лидер Мусульманской национальной партии Алия Изетбегович выступил с угрожающим посланием, которое часто используется в качестве примера для разоблачения военных намерений этой национальной группы в БиГ. Он обратился к депутатам со словами: «Ради суверенной Боснии я бы пожертвовал миром, а ради мира в Боснии я бы не пожертвовал суверенной Боснией...» [\[9\]](#). Непринятие этой декларации по итогам данной сессии в Ассамблее БиГ рассматривается как историческое решение, во многом повлиявшее на дальнейший ход развития напряженной ситуации в БиГ.

В течение 1991 г. началось массовое вооружение мусульманского населения. В то время в народе была известна поговорка «продать корову, чтобы купить винтовку», которая означала, что народ разными способами пытался получить оружие и показать, насколько оно было важно. Рассказы о закупках оружия отдельными лицами быстро заменили рассказы о целых вооруженных формированиях. Вся Босния в одночасье стала милитаризованной. Помимо военизованных формирований, МВД Боснии и Герцеговины стало респектабельной военной силой в руках «мусульманского господства». Об их воинственности свидетельствовала ежедневная вербовка резервной полиции и практически публичная раздача оружия гражданам. Их действия синхронизировались с воинственной риторикой хорватско-мусульманских депутатов в Ассамблее БиГ. Поездки Алии Изетбегович и Хариса Силайджич в Ливию, Турцию и другие исламские страны symptomatically вписывались в общую атмосферу всеобщего недоверия [\[1, С. 132-139\]](#).

Для сербского руководства Югославская народная армия, в силу традиционного положительного отношения сербского народа к армии, была единственной законной военной силой, которая могла бы их защитить. И именно поэтому они предложили сербам откликнуться на мобилизацию. Позже выяснилось, что решающую роль в первый

год войны сыграла мобилизация, отмечает Станишич [4, С. 88]. Сербская сторона приветствовала войну с организованной в военном отношении армией, которой командовали обученные офицеры, в то время как две другие стороны имели вооруженные банды, которым не хватало дисциплины и военного опыта. Хотя сербы откликнулись на мобилизацию, в то же время рекомендация мусульманского и хорватского руководства заключалась в том, что их соотечественники не должны отправляться на военную службу. Такой шаг был нелогичен и непродуктивен для мусульман и хорватов. Однако этоказалось нелогичным, но на самом деле у этого была цель. Их лидеры хотели свергнуть ЮНА, что они и пытались сделать, заглушив призывы к мобилизации. Они сделали это потому, что, по их мнению, у них было достаточно незаконно приобретенного оружия, и поэтому им не нужно было оружие ЮНА. Командный состав ЮНА заверял мусульманскую сторону, что они сохранят нейтралитет в конфликте в Боснии, что и было их намерением. ЮНА не принимала чью-либо сторону в 1991 году, пока ХДС и ПДД не объявили ЮНА сербской, нежелательной и враждебной военной силой.

Во второй половине 1991 г. в политической жизни БиГ не действовало никаких правил. Встречи лидеров трех правящих партий становились все реже. В сложившихся обстоятельствах интернационализация проблемы БиГ становилась все более очевидной. Мусульмане и хорваты никогда не были готовы принять какое-либо решение, кроме удовлетворения своих максималистских целей. Для них переговоры были простым фарсом и демонстрацией своей коалиционной мощи, которую они использовали для раздражения и унижения другой стороны, не чураясь того, что эта опасная политическая игра может обернуться трагедией с непредсказуемыми последствиями [7, С. 91].

Осенью 1991 г. вновь была выдвинута инициатива о принятии Декларации о суверенитете и неделимости Боснии и Герцеговины. Мусульманско-хорватская коалиция хотела использовать Ассамблею БиГ для навязывания Декларации, чтобы создать иллюзию того, что граждане БиГ выступают за ее отделение. Намерение навязать Декларацию вопреки воле сербских депутатов и вопреки Конституции имело целью представить демократическое решение парламентского большинства [5, С. 143].

В то же время последовало сербское региональное соединение муниципалитетов. Муниципалитеты БиГ, такие как Биелина, Требине, Приедор, Добой и другие, где у сербов было местное самоуправление, выступили против существующего централизованного способа организации республики. Сербская инициатива регионализации имела экономическую основу для реализации, но объективно с самого начала она была политическим ответом на неприкрытые угрозы сил, игнорирующих волю целого народа. Процесс регионализации усилился, и регионы образовались за одну ночь. Первоначально они назывались «областями», но быстро были переименованы в «сербские автономные области» по примеру регионализации в Хорватии. В то время были созданы САО Герцеговина, САО Семберия и Маевица, САО Посавина, АП Краина САО Романия и САО Бирач. Внутренний «раздел» Боснии и Герцеговины был частью и происходил параллельно с процессом отделения БиГ от Югославии.

Сессия Ассамблеи Боснии и Герцеговины, начавшаяся 10 октября 1991 года и несколько раз прерывавшаяся и продолжавшаяся, завершилась 15 октября и вошла в историю как судьбоносное событие для Боснии и Герцеговины и ее трех народов. Это событие определило судьбу БиГ, потому что в этот день вспыхнул пожар войны, который менее чем через шесть месяцев разгорелся и в следующие несколько лет унес и покалечил тысячи жизней, разрушил тысячи домов, заставил сотни тысяч людей покинуть свои

дома, посеял ненависть между народами надолго, а может и навсегда.

В Боснии и Герцеговине, как говорили ее жители, было три души в одном теле. Было три нации, такие похожие, но разные. Уважение к различиям поддерживало баланс мира на протяжении веков. Иудаизм, ислам, католицизм и православие уважали друг друга и автономно существовали веками. Ни одна из сторон, каким бы численным превосходством она ни обладала, никогда не добивалась успеха и не хотела навязывать волю другой стороне в мирное время. Устойчивость Боснии и Герцеговины основывалась на согласии и консенсусе. Уважение к историческим и традиционным ценностям сохраняло мир в Боснии, и об этом знали все участники соглашения, и прежде всего три лидера национальных партий.

Говоря в своих выступлениях о Конституции БиГ, депутаты СДА, и прежде всего Алия Изетбегович, умолчали о том, что коммунисты приняли 60-ю поправку к Конституции БиГ 31 июля 1990 г. на совместном заседании всех палат, незадолго до выборов с намерением предотвратить отделение Боснии и Герцеговины от Югославии. Они проигнорировали пункт 2 статьи 1, который не изменился, и согласно которому Босния и Герцеговина попрежнему является частью Югославии, и что для изменения границ Боснии и Герцеговины и таким образом отделения ее от Югославии требуется две трети голосов граждан Боснии и Герцеговины [\[4, С. 41\]](#). Для реализации своего плана мусульманско-хорватской стороне необходимо было изменить Конституцию и добиться поддержки этого парламентского решения не менее чем двумя третьими депутатов. Радован Караджич обратился к депутатам со следующими словами: «Ваша приверженность суверенитету Боснии и Герцеговины является приверженностью отделению БиГ от Югославии. Это может разжечь огонь гражданской войны, в которой исчезнут граждане, народы и города Боснии и Герцеговины. Кто имеет столько храбрости? Кто может нести такую большую ответственность, чтобы захватить БиГ насильственным путем?» [\[10\]](#). В этот момент следует вспомнить слова того, кто несет ответственность за распуск Ассамблеи БиГ и формирование Ассамблеи сербского народа БиГ, кто недавно сказал, «за что он готов пожертвовать миром БиГ», что будет продемонстрировано в ближайшие дни на расширениях этой сессии Ассамблеи.

После жарких дебатов 10, 12, 14 октября и в конце 15 октября 1991 г. из-за невозможности установить диалог и прийти к компромиссу председатель Ассамблеи Боснии и Герцеговины Момчило Крайишник закрыл сессию и решил передать этот вопрос на рассмотрение Совету для дальнейшего решения, и все сербские депутаты тогда покинули зал собрания. После этого мусульманско-хорватская коалиция продолжила реализацию своего уже подготовленного плана на нелегальном заседании. Мариофил Любич, вице-президент, продолжил заседание без какого-либо разрешения президента Момчило Крайишника. Продолжение сессии было незаконным. Были грубо нарушены Правила процедуры и Конституция БиГ.

СДП сообщила мусульманско-хорватским партнерам, что сербские депутаты лишь «заморозили» свою работу в Скупщине до отмены неконституционных решений. Однако мусульманско-хорватская коалиция не проявила ни малейшего желания пойти навстречу требованиям сербов. Вследствие событий и в ответ на принятые неконституционные решения и нежелание мусульманско-хорватских партнеров урегулировать кризис и защитить сербские интересы в БиГ конституционным образом, 24 октября 1991 года была создана Ассамблея сербского народа в БиГ. Сербская ассамблея должна была заменить несформировавшийся Совет по вопросам достижения равноправия народов и национальностей БиГ. Предполагалось, что это будет временный орган, который

прекратит работу в тот момент, когда сербские партнеры вернутся на путь соблюдения Конституции БиГ. Само название, Ассамблея сербского народа в БиГ, ясно показывает, что Ассамблея должна была артикулировать интересы сербского народа, а не интересы одной территориальной части БиГ.

Мусульманско-хорватская сторона таким способом повела свои народы к независимости БиГ и ее отделению от Югославии. По оправданию, что это воля большинства граждан БиГ, и при полном игнорировании организованного сопротивления сербского народа продолжалась подготовка к проведению референдума о независимости. В то же время сербская сторона вела деятельность по реализации плебисцита сербского народа.

Большинство граждан в БиГ и в политической жизни в целом по-прежнему считали, что войны в БиГ не будет. В сообщениях за пределами БиГ, особенно из Хорватии, говорилось, что до того, как война распространится на Боснию и Герцеговину, осталось мало времени. Надежда была на Европейское сообщество. Эта надежда была небезосновательной, поскольку Европейское сообщество могло и должно было предотвратить конфликт. Вместо того, чтобы удовлетворительно решить проблему, принимая во внимание специфику Югославии, оно решило эту специфику игнорировать. Позиция Европы была ясной. Проблема Боснии и Герцеговины должна решаться в БиГ, а не Европе решать эту проблему. Европа не будет навязывать решение, а лишь предоставит помочь сторонам. По мнению почти всех сторон, интернационализация кризиса в Боснии и Герцеговине была единственным возможным решением. В то время как мусульмане поначалу восприняли интернационализацию с оговорками, сербы были искренне ей рады.

Группа сербских депутатов решила вновь посетить сессию Ассамблеи БиГ, и на сессии, состоявшейся 4 декабря 1991 г., была представлена инициатива переговоров между тремя национальными общинами. Всем было ясно, что после плебисцита были созданы новые реалии, а поскольку пути противоборствующих сторон противоположны, а требования несовместимы, то диалог соответствующих участников разрешения кризиса является, по сути, единственным выходом.

На сессии Ассамблеи сербского народа в БиГ, состоявшейся 21 декабря 1991 г., было принято условное решение провозгласить Сербскую Республику БиГ к сербскому Новому году, т. е. 14 января 1992 г. Если мусульмане и хорваты останутся последовательными в своем требовании независимости БиГ, будущая республика должна стать федеральной единицей в составе Югославии. Решение о намерении образовать Сербскую Республику БиГ стало ответом Европейскому Сообществу, принявшему 17 декабря 1991 г. Декларацию по Югославии, представлявшую собой конкурс республик-кандидатов на признание. А именно, министры иностранных дел Евросоюза призвали все республики, т. е. тех, кто желает это сделать, принять Декларацию по Югославии и принять условия Европейского Сообщества для признания [\[11\]](#). В Декларации говорится, что ЕС признает независимость всех югославских республик, которые могут выполнить пять их требований. На сессии Ассамблеи БиГ 20 декабря 1991 г. Представительство и Правительство БиГ переизбрали сербских представителей и против их воли приняли Декларацию ЕС. Общественность была проинформирована посредством заявления о том, что решение было принято большинством голосов, не говоря, что все представители сербского народа в правительстве БиГ и в правительстве проголосовали против этого решения. Ни одна часть боснийской общественности не упомянула о нарушении Конституции или игнорировании Национального совета по вопросам равенства.

Однако другие предварительные переговоры уже начались. Стороны высказали свои

взгляды на урегулирование кризиса в БиГ. Для мусульман и хорватов связь с Югославией была совершенно неприемлема. Они видели в БиГ независимое государство без Югославской народной армии и с голубыми касками (армией Организации Объединенных Наций) для поддержания мира. Сербская сторона решительно выступала против присутствия сил ООН на территории БиГ, считая это оккупацией. Позиция сербов была - БиГ в составе Югославии, и в качестве компромисса было предложено альтернативное решение - конфедеративная БиГ с тремя национальными образованиями, которая имела бы значительную степень самостоятельности. Итогом переговоров стал мусульмано-хорватский шантаж с требованием принять решение об отделении, отмечает Крайишник [2, С. 66].

Положение сербского народа в то время было очень неблагоприятным. Действия мусульман против ЮНА вызвало подозрения, что ЮНА может вывести войска из Боснии. Сербия и Черногория готовились образовать Союзную Республику Югославию, Европейское Сообщество отметило 15 января 1992 года как «День Д» для признания бывших республик СФРЮ независимыми государствами, мусульмане и хорваты спешно организовались и вооружились в военном отношении, а партнеры вместо переговоров готовились провести референдум о независимости Боснии и Герцеговины. В начале 1992 года в БиГ начался хаос, за которым последовали социальные волнения, страх и неуверенность. Соответственно, на сессии Ассамблеи сербского народа в БиГ, состоявшейся 9 января 1992 г., была единогласно принята Декларация о провозглашении Сербской Республики Боснии и Герцеговины [12]. Однако это решение должно было быть условным, чтобы дать еще один шанс межнациональному согласию. Условием была отмена неконституционных решений мусульмано-хорватской коалиции.

Последняя сессия Ассамблеи БиГ состоялась 26 января 1992 г. После почти трехмесячного перерыва сербские депутаты вновь согласились участвовать в этом заседании, надеясь на возможный диалог. Мусульманская партия ПДД хотела, чтобы на этой сессии было принято решение о проведении референдума о независимости БиГ. Но, так как они не хотели соглашаться на два условия, поставленные сербской стороной по этому делу, произошел тот же сценарий, что и 15 октября 1991 года. У сербов было два предложения: провести референдум после преобразования и конституционного переустройства Боснии и Герцеговины и провести референдум в запланированные сроки (15 дней), т. е. чтобы решение о независимости было реализовано после согласованной реорганизации БиГ. В связи с невозможностью договоренности между конфликтующими сторонами данное заседание было прервано и его продолжение было назначено на следующий день. Как и следовало ожидать после того, как сербские депутаты покинули зал, произошло незаконное продолжение сессии, на которой без разрешения председательствовал Мариофил Любич, вице-председатель Ассамблеи Боснии и Герцеговины. Затем хорваты и мусульманы проголосовали за решение о проведении референдума о независимости. На следующий день никто из представителей хорватско-мусульманской коалиции не явился на законно назначенное продолжение сессии, в связи с чем Ассамблея не продолжила свою работу.

В период с 26 января, когда прошла последняя сессия Ассамблеи БиГ, до 6 апреля, когда началась сербско-хорватско-мусульманская война, произошло много событий. В первую очередь мусульмане и хорваты вели тайную дипломатию с целью «поперечного» признания БиГ. Хотя арбитражная комиссия прекрасно знала обо всех особенностях БиГ, она их просто не соблюдала. Члены этой комиссии знали о противодействии одного составного (сербского) народа. Им были известны положения Конституции Боснии и Герцеговины и существование Национального совета по вопросам равенства. Им была

ясна процедура, согласно которой мусульманско-хорватская коалиция была обязана осуществить отделение БиГ от Югославии. Изменение Конституции должно было быть сделано, хотя бы формально, как это было сделано в Словении и Хорватии 15 января 1992 года. Все эти перечисленные факторы были просто проигнорированы и принято решение о признании референдума, на котором присутствовали и голосовали только мусульмане и хорваты. Признание Боснии и Герцеговины 1 марта 1992 года, до завершения переговоров, положило начало гражданской войне, последующие события которого показали нам и до сих пор показывают раскол Боснии и Герцеговины, нетерпимость трех народов, ненависть и стремление к мести. К сожалению, три боснийские нации, когда-то единые и сплоченные, сегодня живут в не в мире, живут в дисгармонии и постоянном страхе перед возобновлением конфликта, который простой народ ни вызвать, ни контролировать не сможет. Как не было ни тогда, в девяностых годах прошлого века.

Библиография

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет собой анализ исторического контекста, предшествовавшего распаду Югославии и формированию современной Боснии и Герцеговины. Автор рассматривает ключевые аспекты формирования и распада Югославии, а также влияние этих процессов на развитие Боснии и Герцеговины. Особое внимание уделяется политическим партиям, национальным движениям и межэтническим отношениям внутри страны в период кризиса.

Автор использует комплексный подход, сочетая исторический анализ с политологическим исследованием. В работе применяются методы сравнительного анализа, статистического анализа и качественного интервьюирования. Привлекаются архивные документы, стенограммы заседаний парламентов, а также воспоминания ключевых участников событий. Этот подход позволяет автору предоставить детальное описание сложных процессов, протекавших в Боснии и Герцеговине в период распада Югославии.

Актуальность темы обусловлена необходимостью понимания причин и последствий распада Югославии, который привел к многочисленным вооруженным конфликтам и значительным человеческим жертвам. Исследование помогает понять современные вызовы, стоящие перед мультикультурными обществами, такими как Босния и Герцеговина, и дает важные уроки для предотвращения подобных конфликтов в будущем.

Научная новизна работы заключается в подробном анализе взаимодействия национальных движений и политических партий в контексте распада Югославии. Автор выделяет уникальные черты каждого из трех доминирующих этносов в Боснии и Герцеговине и демонстрирует, как эти факторы влияли на процесс принятия решений и развитие конфликта. Также отмечается важность международного вмешательства в политические процессы стран, образовавшихся после распада Югославии.

Структура статьи логична, стиль — академический, библиография статьи — разнообразная. Автор активно критикует позиции своих оппонентов, в частности сторонников теории «Великой Сербии» и иных националистических концепций. Однако апелляция к оппонентам носит скорее полемический, нежели конструктивный характер.

Следует отметить комплексный анализ, предложенный в статье, — работа охватывает широкий спектр аспектов, связанных с распадом Югославии и становлением Боснии и Герцеговины, включая исторические, политические и культурные факторы. Автор привлекает значительное количество архивных документов и воспоминаний участников событий, что придает исследованию высокую степень достоверности. Исследование проливает свет на сложные процессы, которые остаются актуальными и сегодня, предлагая ценные уроки для современных обществ.

Ключевой вывод статьи подчеркивает уникальность и сложность процесса формирования Боснии и Герцеговины в условиях распада Югославии. Выводы автора убедительны и подкрепляются богатым фактическим материалом.

Статья будет интересна широкому кругу читателей, интересующихся историей Югославии и Балкан, а также специалистам в области международных отношений и этнополитики.

Статья «Босния и Герцеговина — общее прошлое, разные судьбы» обладает высокой научной значимостью и заслуживает публикации в журнале «Международные отношения».